

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИЯ

К ВОПРОСУ О “КРЕПОСТНЫХ ЦЕРКОВНЫХ ФЕОДАЛОВ”
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОНГОЛИИ

© 2018

С. Л. КУЗЬМИН

Институт востоковедения РАН

Сравнительный анализ данных о положении крепостных России, Европы и аратов-шабинаров дореволюционной Монголии показал, что шабинары не были крепостными. Высших лам дореволюционной Монголии некорректно считать феодалами.

Ключевые слова: крепостничество, крепостное право, Монголия, араты, шабинары, феодалы, феодализм, ламы, буддийская церковь, буддизм, социальная структура общества.

DOI: 10.7868/S086919081801003XON THE PROBLEM OF THE “SERFS OF CLERICAL LORDS”
IN PRE-REVOLUTIONARY MONGOLIA

Sergius KUZMIN

Institute of Oriental Studies, Moscow

Comparative analysis of data on the status of serfs in Russia, Europe and the shav' arats in Mongolia before revolution was conducted. Formal and factual status of Mongolian aristocracy, the arat people subjected to them, Buddhist clergy and the shav' is discussed. The clergy in pre-revolutionary Mongolia was a separate social group, and it is not correct to consider high lamas as “feudal lords”. The shav' actually were not serfs: there were no feudal lords whom they obeyed, and only in some aspects their status corresponds to the status of serfs. Only whole complex of features but not a part of it may serve as evidence for the presence of serfdom; otherwise, this term would be applied also to those societies where it was actually absent. Responsibilities of the shav', regardless of their social status, were explained based on the “disciple – guru” principle based on the Buddhist Canon and not on the feudal law.

Keywords: serfdom, serf, Mongolia, shav', feudalism, feudal lords, lamas, Buddhist church, social structure.

Распространено мнение, что в Монголии до социалистических преобразований в XX в. существовало крепостное право. Простой народ (араты) включал *албату* – податных, которые несли повинности на нужды государства и администраций хошунов (уделов аристократов); *хамджилга* – подданных феодалов; *шабинаров* – работавших на

высших лам [Чойбалсан, 1952, с. 9; *История МНР*, 1954, с. 167; 1967, с. 197; 1983, с. 191, 224; Ширендыб, 1956, с. 10; 1960, с. 62–87; Нацагдорж, 1956, с. 169; Ширендыб, 1956, с. 10; 1971, с. 21; Сандаг, 1958, с. 48; Майский, 1959, с. 41–43; Горохова, 1980, с. 111; Пурэвжав, 1983, с. 200; Владимирцов, 2002, с. 279; Крайнова, 2012]. Считается, что все араты в Монголии были крепостными. Но есть и другие оценки. Например, известный монголовед В. Котвич называл *шабинаров* данниками духовных лиц [Котвич, 1914, с. 19]. Другой очевидец писал, что отношения *хамджилга* со своими феодалами были очень близкими и даже приятельскими и что у них “нет ничего общего, что связывается у нас с представлениями о крепостном праве” [Баранов, б.г., с. 31; Баранов, 1905, с. 20, 22–23]. В последние годы ряд монголоведов говорят лишь о зависимости аратов от феодалов [*История Монголии. XX век*, 2007, с. 13]. Но в большинстве работ их статус декларируется как крепостной.

Я рассмотрю данный вопрос применительно к аратам-шабинарам. Для этого целесообразно сравнить их положение с таковым крепостных крестьян в Европе и России, откуда происходит понятие “крепостной”.

Различия в терминах, обозначающих крепостничество в Европе, связаны с особенностями истории крестьянства разных стран. В целом это понятие применялось к разным формам несвободы, когда крестьяне подчинялись системам институтов, накладывавшим на них широкую экономическую и социальную власть землевладельцев. Данное понятие охватывает множество форм зависимости крестьян от государства и его субъектов [Альтамира-и-Кревеа, 1951; *Энциклопедический словарь...*; Ogilvie, 2014; Stanziani, 2014].

Не углубляясь в детали, укажу, что крепостничество было в разной мере выражено в Европе (например, его не было в Финляндии и Швеции, но подобные крепостническим структуры были). К XVI–XVIII вв. в Западной Европе крепостное право исчезло, а в Центральной и Восточной (включая Россию) – усилилось.

В России причинами закрепощения крестьян были потеря ими собственности на землю, переход в крепостные через положение арендатора, прикрепление крестьян к земле и землевладельцам. При преемниках Петра I крепостным запретили приобретать земельную собственность, крестьян, брать казенные подряды, заводить фабрики, заниматься торговлей, обязываться векселями, быть поручителями. Это запрещение было безусловным к государственным крестьянам; помещичьи крепостные могли брать подряды и устраивать фабрики – но под поручительство своих господ, а последние получили право ссылать своих крепостных на каторгу, причем государство не могло это отменять. Помещики (сами или через приказчиков) стали руководить крестьянским хозяйством, причем доходило до мелкой регламентации всей крестьянской жизни. Они обладали и судебной властью, правда, не могли судить по уголовным делам. Отмена крепостного права в XIX в. была постепенным процессом, те или иные его признаки сохранялись еще долго [*Великая реформа*, 1911; Энгельман, 1900, с. 60–123; Князьков, 1900, с. 7–96, 123, 138–164, 252–266].

В России, как на Западе, крестьяне тоже работали на церковь. Русские крестьяне становились монастырскими, когда монастырь получал землю с ними покупкой или в подарок, составляли записи об аренде и платили оброк; когда крестьяне просили разрешить им поселиться на монастырской земле; когда их приглашали или переселяли из другого имения сами монастыри. В ряде случаев монастырские крестьяне несли меньше повинностей, чем остальные [Смолич, 1997].

“Принято отличать крепостничество как систему социальных отношений от крепостного права как юридической формы их выражения” [Каштанов]. И то, и другое относится к одной системе отношений. При отсутствии четких отличительных признаков возникает логический вывод, что в Российской империи крепостничество после Петра I охватывало все слои населения [Миронов, 2005, с. 9]. Более того, получается, что те или иные признаки крепостничества существовали даже в тех обществах, где отсутствие крепостных считается общепринятым. Например, в СССР при И. В. Сталине колхозники не

имели землю в частной собственности, не могли покидать колхоз без справки с указанием сроков и целей (паспортов не имели), не могли отчуждать землю в частную собственность и создавать частные хозяйства, обязаны были отрабатывать трудодни, сдавать часть продукции по заниженным ценам государству. Тибетцы в КНР принудительно привлекались к длительным бесплатным работам, например на строительстве дорог. Школьники и студенты в МНР и СССР привлекались к земляным, сельскохозяйственным и тому подобным работам, в том числе бесплатным.

Таким образом, если мы хотим избежать произвольных трактовок терминов “крепостничество” и “крепостной”, следует использовать их применительно лишь к тем случаям, когда существовал полный набор их признаков. В России и Европе этот набор следующий: крестьяне были в наследственном подчинении феодала, не имели права покидать землю, отчуждать наделы, приобретать недвижимость, находились в его судебной и административной власти, облагались барщиной и/или оброком. Работа крестьян на церковь обособывалась феодальным правом, а не религиозными канонами.

На Востоке крепостные отношения были развиты меньше, чем в Европе (но было развито рабство – полное бесправие людей, находившихся в собственности хозяев). Так, в Грузии крепостное право имело тот же набор признаков, что в Европе и России. Более того, помещики могли распродавать семью по разным местам, в том числе в рабство в исламские страны, а крестьяне, которые уходили в духовное звание с согласия господина, сохраняли крепостной статус и платили подати [Калантаров, 1877, с. 1–52].

Так как понятие “крепостной” было распространено на Монголию из России [Пржевальский, 1875, с. 8; Позднеев, 1879, с. 35 и др.], посмотрим, каково было положение *шабинаров*.

Слово “шабинары” происходит от монгольского *шавь* (*шаби*, мн.ч. *шавь нар* “ученик, ученики”). Имеются в виду ученики буддийского духовенства. Обязанности духовного ученика (*шабинара*) – независимо от его социального статуса – основаны на буддийском принципе “ученик – учитель”, который следует из религиозного канона. Эти обязанности – помогать духовному учителю, снабжать его, обслуживать. Согласно буддийским правилам, *благие друзья* (в данном случае духовные учителя) показывают достоинства буддизма, пробагают от заблуждений, направляют на путь избавления от сансары. Есть определенные качества, которым должны соответствовать учитель и ученик, есть определенный метод вверения ученика учителю, предполагающий добровольность и ряд духовных установок [Чже Цонкапа, 2010, с. 51–74]. После вверения учителю «Радость доставляется через три “двери”: (а) подношение вещей, (б) почитание телом и речью, (в) выполнение указаний». Этим осуществляется благо для себя и других и пополнение собрания заслуг [Чже Цонкапа, 2010, с. 74–78]. Поэтому работа на духовного учителя – каноническая практика буддизма.

При распространении буддизма школы гэлуг в Монголии (с XVI в.), феодалы приглашали перерожденных лам (*хубилганов*), строили для них монастыри, выделяли землю, передавали им своих аратов и навсегда освобождали их от податей. Эти араты должны были обслуживать *хубилгана* и его монастырь, зависели от него административно. Часто такие араты имели материальную выгоду от *хубилганов* [Позднеев, 1993, с. 4–5], переходили к ним добровольно. Так сформировался большой слой аратов, которых в Монголии называли *шабинарами*.

После подчинения маньчжурской империи Цин Монголия была разделена на хошуны. Монастырю при его основании выделялась земля из хошуна, где он располагался, а из аратов – *шабинары*. Обычно земля располагалась у границы хошуна с перспективой расширения в соседний хошун, что иногда и происходило. Перевод земли и людей из юрисдикции хошунного управления в монастырское требовал утверждения в Пекине, чтобы вывести *шабинаров* из подчинения хошуну и прекратить их светские обязательства перед ним [Vreeland, 1953, с. 17–18].

Сами *хубилганы* и их высшая часть – *хутухты* подлежали утверждению цинской властью. Они получали императорские декреты, золотые дипломы и печати с такой, например, надписью: “Печать на управление шабинарами хутухты”. Правда, некоторые почитаемые народом *хубилганы* не имели цинских печатей, но у них были араты-*шабинары* (хотя и меньше), однако последние выполняли и некоторые обязанности в хошуне, из которого были выделены [Скрынникова, 1988, с. 56–57].

Во Внешней Монголии для управления *шабинарами* Богдо-гэгэна указом цинского императора Юнчжэна (Иньчжэня) в 1723 г. было создано Шабинское ведомство, называвшееся также Великое шаби (монг.: *их шавь*) [Горохова, 1980, с. 100; Нинжбадгар, 2011–2012, с. 127–138]. В 1754 г., чтобы вывести их из-под прямого управления Богдо, была учреждена должность *эрдэнэ-шанцзотбы*, который стал исполнять и должность его казначея.

Были *шаби* и *шанцзотбы* также у других *хутухт*. Они выбирались из опытных лам, не принявших обеты *гелонга*. *Шанцзотба* утверждался императором, работал под руководством *хутухты*, но административно подчинялся главе сейма аймака. Отдельный *шанцзотба* со своим штатом администраторов ведал гражданскими и финансовыми делами *шабинаров*. В связи с большим числом последних они разделялись на дацаны, или аймаки, и далее на *отоки* с отдельными администраторами [Скрынникова, 1988, с. 57].

По ходатайству главы буддистов Внешней Монголии – Богдо-гэгэна III цинский император Цяньлун (Хунли) в 1764 г. освободил *шабинаров* от податей, *уртонной* и караульной повинностей, а Богдо-гэгэн V окончательно утвердил их независимость от гражданских властей аймаков в отношении суда, наказаний и ряда повинностей [Позднеев, 1880, с. 14, 16]. За редкими исключениями, *шабинары* не несли повинностей в пользу светских властей и не платили им налогов. Подати, которые они платили ламам, были относительно легкими [например, Nuricha, 2007, с. 10–15]. Поэтому аратам было выгодно переходить от феодалов в *шабинары*.

Соответственно число последних росло. Так, число аратов-*шабинаров* Богдо-гэгэна в 1764 г. было 69 698 человек в 1773 г. – 83 871, 1792 – 91 754, 1794 – 84 423, 1800 – 90 969, 1825 – 111 466, 1830 – 105 798, 1849 – 100 470, 1852 – 97 364, 1858 – 100 032, 1861 – 96 801, 1864 – 96 774 человек. Позже число их снизилось до 70–80 тыс. человек. Причина в том, что в 1837 г. цинское правительство запретило монгольским *дзасакам* зачислять в Шабинское ведомство лиц мужского пола, входивших в состав сомонов, т.е. военнообязанных [Цэдэв, 1959, с. 8–9].

Обязанности аратов-*шабинаров* состояли в отработке (выпас скота, местами землепашество, строительство, обслуживание ритуальных объектов и т.д.), натуральном и денежном налогах [Пурэвжав, 1983, с. 256–284; Алтанзаяа, 2010, с. 58–59; Скрынникова, 1988, с. 59–61]. Они имели свои хозяйства в собственности, могли приобретать недвижимость. Согласно уложению 1736 г. в своде “Халха Джирум” [1965, с. 48], *шабинары* Богдо-гэгэна могли кочевать где угодно, кроме ставок нойонов и запретных мест. До самой ликвидации теократии Монголии у них не было фиксированной территории, за исключением *отока* Хар-Дархат площадью 27 966 кв. км [Цэдэв, 1964, с. 29–30]. Они кочевали по всей стране попеременно с аратами князей [Котвич, 1914, с. 29]. Остальные *шабинары* оставались на землях, приписанных к монастырям. Но в случае бескормицы и они могли кочевать по всей Халхе, затем возвращаясь назад. Остальные араты обязаны были пасти скот в пределах хошуна, к которому были приписаны. Переходить в другой хошун можно было лишь с разрешения его правителя [Майский, 1921, с. 271, Майский, 1959, с. 119].

После провозглашения независимости Монголии в 1911 г. положение аратов-шабинаров несколько изменилось. Теперь их обложение на 2/3 шло на нужды церкви, 1/3 – на аймачную службу (кроме военной и уртонной повинностей). Следовательно, уже не было полного освобождения шабинаров от повинностей в пользу государства [Пунцагноров, 1950, с. 112–113]. Сумма сборов с аратов-шабинаров выросла, положение части их ухудшилось [Пурэвжав, 1983, с. 256–284]. Связано это было с плохим положением финансов государства, вынужденного изыскивать новые источники доходов.

Шабинарами в Монголии называли не только аратов, но и представителей других слоев общества. Уже в XVII в. *шабинары* приравнивались к свободному населению, в том числе к дворянам (*тайджи*) [*Восемнадцать степных законов...*]. Даже высшие князья и ханы Монголии имели своих духовных учителей и, следовательно, были их *шабинарами*. Глава буддийской церкви Внешней Монголии Богдо-гэгэн – *шабинар* Далай-ламы и Панчен-ламы. *Шабинарами* Богдо-гэгэна I Дзанабадзара (XVIII в.) были *тайджи* и свободные араты [Скрынникова, 1988, с. 33–35; Цэдэв, 1959, с. 8]. *Шабинарами хубилганов* (реинкарнаций) Богдо-гэгэна и Егузэр-хутухты были некоторые другие *хубилганы* [Дашбадрах, 2004, с. 157–173; Мягмарсамбуу, 2014, с. 94–96]. “Низшие” ламы становились *шабинарами* “высших”.

Некоторые советские исследователи [Владимирцов, 2002, с. 479; Даурский¹, 1939, с. 39] утверждали, что ламы называли своих крепостных *шабинарами* из ханжества и лицемерия. Однако в монгольском языке до революции 1921 г. вообще не было понятий “крепостной” и “феодал”². В период строительства социализма в МНР это получило практическое значение – для “обоснования” ликвидации церкви (см., например: [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 114, л. 2–13; серия статей В. Даурского в журнале “Современная Монголия” за 1938–1939 гг.]).

Поскольку ламы – духовные учителя мирян и духовенства, все буддисты Монголии должны были считать себя чьими-нибудь учениками (*шабинарами*). Так и понимали *шабинары* свою работу. Естественно, она различалась для людей разных социальных групп.

Итак, положение аратов в дореволюционной Монголии частично согласуется с критериями крепостного права (см. выше): это эксплуатация труда аратов, отсутствие у них земельной собственности, запрет самовольно уходить с территории хошуна, переходить от одного господина к другому, возможность менять пастбища лишь по указаниям земельных собственников³ [*История Монголии*, 1959, с. 167, 214–215; 1967, с. 197, 252; 1983, с. 219]. Такое соответствие не говорит о том, что эти араты были крепостными: неполный набор данных признаков можно найти и в других обществах. Положение *хамджилга* очень мало отличалось от “свободных обывателей” (албату) и весьма мало напоминало положение крепостных в дореформенной России [Майский, 1921, с. 26–27]. Это согласуется с отзывами монголов-очевидцев [Vreeland, 1952, p. 12]. Даже противники монастырской системы Монголии отмечали, что у аратов не вызывал протеста тот факт, что они кормили и поддерживали лам, делали им подарки, потому что считали это своей обязанностью [Даурский, 1937].

Если есть крепостные, то должны быть и владеющие ими феодалы. *Феодал* – европейский термин. Им обозначается аристократ, владеющий земельным наделом (в Европе феодал или фьеф), реже правом на сборы с определенной территории. Этот надел жаловал вассалу сеньор в наследственное владение на условиях военной, административной или придворной службы вассала в свою пользу.

Вассальная связь означала отношения службы (вассала), с одной стороны, и пожалования (сеньором) – с другой. В то же время в средние века феодалы часто меняли сеньоров, и говорить о территориальном верховенстве там можно лишь условно [Павлов-Сильванский, 1988, с. 77–79]. В западноевропейской церковной иерархии часто использовалась феодальная присяга нижестоящих вышестоящим, а в некоторых местах высшие феодалы назначали аббатов и епископов. Но для церкви понятие “феодал”, кажется, не использовалось [Блок, 2003, с. 340–342; Feudalism...].

Как обстояло дело в Монголии? В развитии монгольского общества шла трансформация отношений феодалов со своими рабами и подданными. Когда Монголия попала

¹ Настоящая фамилия – В. Д. Якимов, политработник в МНР и экономист.

² Они попали туда из русского языка: слово “феодал” без изменений, а для “крепостного” использовали слово “хамджилга” (совр. монг.: хамжлага), но *албату* и *шабинаров* тоже сочли “хамжлага”.

³ Правда, здесь о собственности можно говорить условно: формально собственником всей земли в империи Цин был император.

под власть маньчжурских императоров, они стали распоряжаться ханскими и княжескими уделами — дробили их, дарили и т.д. Монгольские феодалы обязаны были являться к императорам для изъявления верности, направлять людей на работы, выставлять лошадей, нести военную службу и т.д. Взамен они получали титулы, должности и земли. Это хорошо согласуется со схемой феодальных отношений в Европе. Б. Я. Владимирцов справедливо рассматривал монгольские хошуны как феодалы. В то же время он считал, что *хубилганы* и монастыри оказались на положении владетельных феодалов [Владимирцов, 2002, с. 479, 488]. Высших лам относили к феодалам “по происхождению и классовым интересам”, духовенство делили “фактически, на князей и рядовых аратов”, как и монголов-мирян [Майский, 1959, с. 39–40].

Эта классификация основана на марксизме-ленинизме, согласно которому духовенство в Европе делилось на аристократический класс (епископы, приоры и другие прелаты) — “крепостники в рясах, духовные феодалы, князья церкви”, владевшие крепостным и зависимым населением, и “плебейскую часть” (сельские и городские священники) — вне феодальной иерархии церкви, ей была близка жизнь “массы” [Маркс и др., 1983, с. 90, 91, 98–100, 104, 123, 192, 322].

Монголы традиционно не причисляли высшее духовенство к феодалам. Лишь после революции 1921 г. в Монголии было введено деление на “церковных”, или “желтых” (*шар феодал*), и “светских”, или “черных” (*хар феодал*). В экономическом отношении красные не отличали “желтых” от “черных” (см., например: [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 27]). С тех пор обозначение высших лам как духовных феодалов широко распространилось [Чойбалсан, 1952, с. 7; Пүрэвжав, Дашжамц, 1965, с. 19; Ширендыб, 1971, с. 21; *История МНР*, 1967, с. 252; 1983, с. 191; Пүрэвжав, 1983, с. 185; Дорж, 1987, с. 41–55]. Некоторые авторы стали даже называть земли *хутухт* фьефами [Moses, 1977, с. 129]. Посмотрим, насколько это корректно.

В отличие от феодалов духовенство — сословие профессиональных религиозных деятелей. Собственность монастырей и лам не определялась их военной, административной или другой светской службой. Ламы не были связаны с кем-либо отношениями “сеньор — вассал”. “Утверждение” лам цинской “Палатой по управлению иноземцами” (Лифаньюань) или императором означало не вассальную присягу, прием на службу или дарование титула, а лишь признание уже состоявшегося выявления *хубилгана* или назначения на церковную должность. Ламы, в том числе *хутухты*, не могли передавать по наследству свои титулы, звания, землю, накопления и *шабинаров*. “Каждый гэгэн, собственно говоря, не имеет права собственности: он живет, пользуясь всем, чем хочет, увеличивает свои имущества, получая подарки и выписывая различные вещи; но все это принадлежит ему только нарицательно и по смерти его переходит для такого же пользования его приемнику” [Позднеев, 1896, с. 571]. Более того: “У гэгэна накапливается имущество, но он не может его самовольно расходовать и, чтобы подарить какую-то вещь, должен держать совет с ламами. После его смерти родственникам его наследства не достается” [Позднеев, 1879, с. 37–38]. Соответственно у высших лам не было и наследственной власти над землей и *шабинарами*, ибо новые перерождения *хубилганов* находили в других семьях (чаще среди простого народа).

Итак, высшее духовенство Монголии некорректно относить к феодалам. Вместе с тем следует отметить несколько случаев, когда ламы с санкции цинских императоров объединяли духовную и светскую власть. В XVIII в. Цаган-номун-хан был признан императором как “дзасак-лама” с собственным “кочевым ламским хошуном” — уникальный случай среди всех 24 хошунов Кукунора [Oidtmann, 2012, р. 2]. Примерно тогда же в Халхе (аймак Тушэту-хана) Нойон-хутухта IV Джамьянойдовжамц управлял одновременно хошуном и *шаби*, имея в подчинении администраторов светского и церковного [Алтанзаяа, 2011–2012, с. 139–152]. Здесь теократ совмещал два “поста”: удельного князя и ламы, формально не переводя всех или часть аратов в свои *шабинары*. Такое сочетание относится лишь к нескольким случаям, а не к *хубилганам* в целом. После провозглашения

независимости Монголии Богдо-гэгэн VIII даровал нескольким ламам титулы, совмещающие церковную и светскую титулатуры. Фактически такие титулы отражали изменение не сословного, а административного положения их носителей.

Таким образом, духовенство Монголии составляло отдельную социальную группу, “церковных феодалов” в Монголии не было: все феодалы были мирянами. Араты-шабинары не были крепостными: не было феодалов, которым они подчинялись, и лишь по отдельным признакам их положение соответствует положению крепостных. Такое частичное соответствие не говорит о том, что они были крепостными. О крепостничестве может свидетельствовать лишь весь комплекс признаков, а не часть их — иначе о крепостных можно было бы говорить и применительно к тем обществам, где их не было. Обязанности любых шабинаров — независимо от их социального статуса — объяснялись на основании принципа “ученик — учитель”, который следует из религиозного канона, а не из феодального права. В то же время передача феодалами или добровольный переход по одним материальным соображениям аратов в шабинары не соответствовали канону, предполагающему свободный выбор учеником своего духовного учителя. Но, искренне признав лам своими духовными учителями, араты-шабинары выполняли работу в качестве учеников, и такая работа согласовалась с каноном. Следовательно, если переход аратов в статус шабинаров и их дальнейшую работу в этом статусе рассматривать как единый процесс, то он включал элементы и феодальной регламентации, и следования религиозному канону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтанзая Л. [Новое о шабинарах Ялгуусан-хутухты в Сэцэнханском аймаке] // *Nomadic Studies* (Ulaanbaatar). 2010. Vol. 17.
- Алтанзая Л. [К вопросу о шабинарах халхаского Нойон-хутухты IV] // *Түүхийн судлал*. 2011–2012. Т. 41–42. № 12.
- Альтамира-и-Кревеа Р. *История Испании*. Т. 1. М., 1951.
- Баранов. *Монголия. Барга и Халха*. Харбин, 1905.
- Баранов. *Северо-восточные сеймы Монголии*. Харбин, /б.г./.
- Блок М. *Феодальное общество*. М., 2003.
- Великая реформа. *Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем*. Т. 1–3. М., 1911.
- Владимирцов Б. Я. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М., 2002.
- Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв.* СПб., 2002 (пер. А. Д. Насилова) — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/18_stepnykh_zakonov/frames.htm (дата обращения: 21.09.2017).
- Горохова Г. С. *Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.)*. М., 1980.
- Даурский В. Джасса // *Современная Монголия*. 1937. № 6 (25).
- Даурский В. Шабинары // *Современная Монголия*. 1939 № 3–4 (34–35).
- Дашбадрах Д. 2004. *Монголын хутагтууд (XVI–XX зуун)*. Улаанбаатар.
- Дорж Б. [Роль буддийской религии в монгольском феодализме] // *Монголын феодализмын нийтлэг, онцлогийн зарим асуудал*. Улаанбаатар, 1987.
- История МНР*. М.: Наука. Изд. 1: 1954. Изд. 2: 1967. Изд. 3: 1983.
- История Монголии. XX век*. М., 2007.
- Калантаров. *Крепостное право в Грузии в начале настоящего столетия*. Тифлис, 1877.
- Каштанов С. М. Крепостное право в России // *Большая советская энциклопедия* — <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 21.09.2017).
- Князьков С. *Как сложилось и как пало крепостное право*. СПб., 1900.
- Котвич В. *Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии*. СПб., 1914.
- Крайнова Л. В. Шабинское ведомство ламаистской церкви Монголии в период правления Цинской династии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. 2012. № 2 (16), ч. 1. — www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/26.html (дата обращения: 21.09.2017).

- Майский И. М. *Современная Монголия*. Иркутск, 1921.
- Майский И. М. *Монголия накануне революции*. М., 1959.
- Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. *О религии*. М., 1983.
- Мионов Б. Н. Крепостное право: рациональный институт или бесспорное зло? // *Крепостное право и его отмена: история и современность*. СПб., 2005.
- Мягмарсамбуу Г. *Монголын шашин, төрийн нэрт зүтгэлтэн Егүзэр хутагт Жамсранжавын Галсандаш (1870–1930)*. Улаанбаатар, 2014.
- Нацагдорж Ш. *Ар Монголд гарсан ардын хөдөлгөөн түүхэн найруулал*. Улаанбаатар, 1956.
- Нинжбадгар З. [О некоторых изменениях в управлении шабинарами Джебцундамба-хутухты (XVIII в.)] // *Түүхийн судлал*. 2011–2012. Т. 41–42. № 11.
- Павлов-Сильванский Н. П. *Феодализм в России*. М., 1988.
- Позднеев А. М. *Ургинские хутухты*. СПб., 1879 (1880).
- Позднеев А. *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*. СПб., 1887. Репринт: Элиста. 1993.
- Позднеев А. *Монголия и монголы*. Т. 1. СПб., 1896.
- Пржевальский Н. М. *Монголия и страна тангутов*. Т. 1. СПб., 1875.
- Пүрэвжав С. *История ламаистской церкви в Монголии в конце XVI – начале XX в.* Докт. дисс. М.: ИВ РАН. 1983.
- Пүрэвжав С., Дашжамц Д. *БНМАУ-д сум, хийд, лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. 1921–1940 он*. Улаанбаатар, 1965.
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, Москва.
- Сандаг Ш. *Образование Монгольского феодально-теократического государства и его внешняя политика (1911–1919 гг.)*. Канд. дисс. М.: МГИМО. 1958.
- Скрынникова Т. Д. *Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX в.* Новосибирск, 1988.
- Смолич И. К. Приложение. Русское монашество: возникновение, развитие, сущность (988–1917) // *История Русской Церкви*. М., 1997. <http://www.sedmitza.ru/lib/text/436549/> (дата обращения: 21.09.2017).
- Халха Джирум. *Памятник монгольского феодального права XVIII века*. М., 1965.
- Цэдэв Д. *Положение аратов-шабинаров ургинских хутухт в дореволюционной Монголии*. Автореф. ... канд. дисс. М.: ИВ РАН. 1959.
- Цэдэв Д. *Их шавь*. Улаанбаатар, 1964.
- Чже Цонкапа. *Большое руководство к этапам пути Пробуждения*. Т. 1. СПб., 2010.
- Чойбалсан Х. *Краткий очерк истории Монгольской народной революции*. М., 1952.
- Ширендыб Б. *Народная революция в Монголии и образование Монгольской народной республики 1921–1924*. М., 1956.
- Ширендыб Б. *История Монгольской народной революции 1921 г.* Докт. дисс. М.: ИВ АН СССР. 1960.
- Ширендыб Б. *История Монгольской народной революции 1921 года*. М., 1971.
- Энгельман Н. *История крепостного права в России*. М., 1900.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб., 1890–1907. <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 21.09.2017).
- Feudalism // *Catholic Encyclopedia*. <http://www.newadvent.org/cathen/06058c.htm> (дата обращения: 21.09.2017).
- Huigcha. [Монгольские монастырские работники при Цинской династии – производство и жизнь шабинаров в монгольских монастырях] // *Neimenggu shi fan da xue xue bao: she hui ke xue ban*. 2007. № 4.
- Ingram J. K. *History of Slavery and Serfdom*. London, 1895.
- Moses L. W. *The Political Role of Mongolian Buddhism*. Indiana Univ. 1977.
- Ogilvie Sh. Serfdom and the Institutional System in Early Modern Germany // *Schiavitu e servaggio nell'economia europea. Secc. XI–XVIII: Atti della "Quarantacinquesima settimana di studi", 14–18 aprile 2013*. Firenze: Firenze Univ. Press, 2014 (*Atti delle Settimane di Studi e altri Convegni*, 45).
- Oidtmann M. *Between patron and priest: Amdo Tibet under Qing rule, 1792–1911*. Doctoral dissertation. Harvard University. 2013. https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/11745702/Oidtmann_gsas.harvard_0084L_11276.pdf?sequence=1 (дата обращения: 21.09.2017).
- Stanziani A. *Bondage, Labor and Rights in Eurasia, 17–20th Centuries*. N.Y., 2014.
- Vreeland H. H. *Mongol Community and Kinship Structure*. New Haven, 1953.